

невозможность выразить многие моменты внутренней жизни человека вербально. Однако семантика этих аспектов его стиля основана на импликации, а не непосредственной референции. Значимость одного из элементов окружающего мира, социальная и пространственная дистанция, новизна впечатления, металитературные концепты не называются и не показываются, а выражаются косвенным образом – через грамматические и синтаксические формы. «Основанные на силе имплицитного, эти техники становятся частью того опыта, который сами передают, – опыта, существующего за границами того, что может быть непосредственно раскрыто» (с. 73).

Е.В. Лозинская

ЛИТЕРАТУРА XX–XXI вв.

Русская литература

2019.01.030. РУССКАЯ КЛАССИКА PRO ET CONTRA: СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК: Антология / Сост. и вступ. ст. Богатырёвой Л.В., Исупова К.Г. – СПб.: РХГА, 2017. – 987 с.

Ключевые слова: русская классика; Серебряный век; философская и литературная критика; Ф.М. Достоевский; Л.Н. Толстой; А.С. Пушкин; Н.В. Гоголь.

Антология подготовлена в рамках исследовательского проекта «Философская рефлексия русской классической литературы в отечественной и зарубежной мысли» и представляет собой подборку наиболее значимых текстов писателей, критиков и исследователей конца XIX – начала XX в., осмысляющих пути развития русской литературы, ее цели и ценностные ориентиры, а также представляющие первые оценки ее как явления национального самосознания. Основная задача тома – познакомить читателей с эволюцией взглядов философов и литературоведов начала XX в. (Вл. Соловьёв, Д.С. Мережковский, Н.Ф. Фёдоров, В.В. Розанов, Л. Шестов, Л.Н. Толстой, И.Ф. Анненский, А. Белый, Ф. Сологуб, В.Я. Брюсов, Ю.И. Айхенвальд, Е.Н. Трубецкой, А.А. Блок, Вяч. Иванов, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, М.О. Гершензон и др.).

Кардинальному обновлению и позитивной переоценке подверглись не только ценности русской и мировой классики, но и все пространство эстетического творчества, научной и богословской мысли. Идеологические конструкции прошлого были освещены с позиции новой критики, которая называла себя философской критикой. Она, как показывают составители тома, стала адекватным способом самооценки культурной современности – от быта до философии творчества. В социальных условиях наименее благоприятных для строительства новой культуры, люди Серебряного века героически предстояли ужасам войны, революции, разрухи и нравственного оскудения.

Во вступительной статье «Русская классика в философской и литературной критике Серебряного века» составители книги Л.В. Богатырёва и К.Г. Исупов обращают внимание на то, что Серебряный век стал новаторским в общении с классикой; опыт осмысления отечественной классики мыслителями рубежа веков происходил на фоне борьбы с народническим социологизмом и позитивизмом, для которых литература оставалась иллюстративными картинками социальной жизни народа, а «критика текста превращалась в анализ повседневной социальности, т.е. в критику жизни» (с. 8). Потребовалось и новое понимание текстов, и представление об анализе художественного произведения, и, соответственно, был нужен новый читатель. Мыслители рубежа веков нашли точное определение для этой обновленной эстетики. Они называли ее *философской критикой*. Ее интересует «не поэтика высказывания, а его смысл, не специфика образной реальности, а слово и поступок героя, не “тайны ремесла”, а судьба идей, не авторская стилистика, а позиция автора» (с. 9). Философ-комментатор убежден в том, что «художественное произведение есть эстетическое самораскрытие истории в культуре», поэтому разговор о тексте «был и обсуждением ведущих проблем века, и диалогом вокруг вечных ценностей» (там же).

Восприятие Ф.М. Достоевского на рубеже веков происходило с неременной оглядкой на Л.Н. Толстого. Благодаря известной формуле Д. Мережковского («Достоевский – художник духа, Тол-

стой – художник плоти»¹), мировоззренческий тандем двух мыслителей обрел черты схемы, но положение было исправлено обширным циклом блестящих статей и книг (с. 11). В философской критике и церковной публицистике начала века бурно обсуждалось и «Определение Святейшего Синода от 20–23 февраля 1901 г. № 557» о графе Л. Толстом. Полемика выявила непростые отношения между людьми Церкви и представителями светской культуры. Философской критикой были созданы яркие тексты с анализом религиозной и государственной позиции Л. Толстого. Это прежде всего выступления В.В. Розанова, Н.М. Минского, С.Н. Булгакова, Д.С. Мережковского, Е.Н. Трубецкого.

До и после этих событий не прекращались споры вокруг толстовской идеологии «непротивления». Это высказывания К.Н. Леонтьева, В.С. Соловьёва, Н.Я. Грота, Л. Шестова, Н.О. Лосского, Н.А. Бердяева, В.В. Розанова, С.Л. Франка, И.А. Ильина. Великий писатель «так и остался философской занозой в религиозно-эстетическом сознании своего века и века нынешнего», – полагают составители (с. 12). И приводят высказывание А. Белого: «И Толстой стоит перед нами каким-то Вечным жидом, неуспокоенным изгнанником из всех мест оседлости современной культуры и государства»².

Попарная аксиология, к которой приучил Серебряный век (Пушкин / Лермонтов; Гоголь / Достоевский; Достоевский / Толстой; Тютчев / Фет; Чехов / Леонид Андреев) давала возможность, по мнению Л.В. Богатырёвой и К.Г. Исупова, реально увидеть подлинные масштабы стилевого и мировоззренческого многообразия русской литературы и масштабы ее диалогических пространств в истории.

Для философской критики были имена спорные и бесспорные в их эстетической значимости, но самым бесспорным оставалось имя Пушкина. Он был осознан как центральная святыня отечественной культуры, как учитель всей русской классики, родоначальник национального литературного языка. В его творчестве неизменно подкупала универсальная открытость миру, а его

¹ Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский: Вечные спутники. – М., 1995. – С. 11.

² Белый А. Лев Толстой и культура // Сборники изд-ва «Путь». О религии Льва Толстого. – М., 1912. – С. 160.

собственный художественный мир включил в себя все многообразие общечеловеческого культурного опыта. Критики Серебряного века могли принимать или не принимать суждения о нем Белинского, но «большинство сошлось на том убеждении, что Пушкин – демиург русского эстетического космоса. Все вещи мира и всю его феноменологию он расставил по своим местам, всем явлениям многоцветной жизни нашел адекватные имена, а в слове о мире, Боге и человеке его голос обрел поразительно верные интонации. Кроме того, сама личность Пушкина явила русский характер, русский гений в максимальной полноте» (с. 13).

Пристальное внимание поэтов и философов начала XX в. было проявлено к творчеству Гоголя: «По сути, впервые проза Гоголя была осознана в ее метафизической глубине, а не просто как наследие писателя, сатирика и пересмешника» (с. 14). На фоне обширной гоголианы составители выделяют книгу Д. Мережковского «Гоголь и черт», которая печаталась под разными названиями с 1903 г., исследование отмечено глубиной философского анализа. Это особенно ярко проявилось в комментарии демонологии Гоголя: если в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» его нечисть еще безобидна и смешна, то начиная с «Вия» ведьмы и монстры загробного мира являют неодолимую силу, а в «Мертвых душах» и вовсе обращены в полусимволические фигуры Мирового зла. Эти тени и смутные абрисы злой жизни незаметно вкрадываются в ткань живой, полнокровной жизни, истощая ее и наполняя искаженными подобиями подлинности. «Так создается у Гоголя богатейшая поэтика лживой действительности, которой на самом деле нет, но люди в ней живут и даже не слишком удивлены, что Нос разгуливает по Невскому проспекту, молится в церкви и ездит в карете, не переставая быть просто носом» (с. 15). Гоголь, «таинственный и мистический, показавший грандиозную мистерию утраты человеческого лица», одержимый идеей спасения своей души, писатель, «с его мессианской идеей Святой Руси, не мог не импонировать людям Серебряного века» (с. 14). Эту прозу позднее назовут гротескным реализмом (М. Бахтин). В «Мертвых душах» показана пошлая повседневность: «В обычной бытовой сценке она вдруг куда-то на половине фразы проваливается в абсурд и невозможную фантастику»; по всему роману живое и мертвое меняются местами, «некротическая агрессия Мирового зла нарастает, а

жизнь плотно обволакивается ложью, тленом и обманом несправедливого и беспамятного мира» (с. 15). Замечательные эссе о Гоголе печатают И. Анненский, А. Блок, А. Белый, Е.Н. Трубецкой, М.О. Гершензон, В.В. Розанов.

Внушительный корпус текстов создала философская критика века о Тютчеве, Гаршине, Фете, Полонском, Чехове. Порой отношения с классикой разворачивались в сложную драматургию притяжения / отталкивания. Так, например, получилось у В. Розанова с Герценом. На рубеже веков смыкаются две линии классической литературы – «старой и новой; не рвутся и линии исторической преемственности в философской критике» (с. 16).

Завершают книгу «Комментарии» и краткие справки «Об авторах».

Т.Г. Петрова

2019.01.031. РУССКАЯ КЛАССИКА: PRO ET CONTRA: ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК: Антология / Сост. Есаулов И.А., Петрова Т.Г. – СПб.: РХГА, 2018. – 1086 с. – (Русский Путь).

Ключевые слова: русская классика; писатели; литературные критики; исследователи; советская Россия; русская эмиграция; культурная традиция; ее деформации.

В антологии представлена подборка наиболее репрезентативных текстов писателей, критиков, исследователей и общественных деятелей первой половины XX в., которые осмысливали пути развития русской литературы, ее цели и ценностные ориентиры. В первой части тома собраны тексты тех авторов, которые жили и публиковались в советской России, во второй – в России зарубежной. В первом случае иллюстрируются преимущественно основные тенденции, во втором сделан акцент на персоналиях (А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь, Ф.И. Тютчев, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов). Радикальный разрыв с предшествующей культурной традицией, проявившийся в отношении к русской классике, – то, что сближает художественный авангард с «авангардом» общественно-политическим. Русское наследие при этом фрагментировалось, претерпевая характерные деформации, представленные в антологии. Литературная эмиграция первой волны, как показано в томе, сохранила и развила твор-